

День первый. Знакомство

...Ищу Таисью Федоровну Посохову — руководителя и режиссера. Мне подробно и с удовольствием рассказывают, где она занимается. Сразу возникает ощущение, что этого человека в институте хорошо знают и уважают.

За час до репетиции Таисья Федоровна уже здесь. Она почти сразу покоряет меня манерой говорить просто, эмоционально насыщенной. Блестящие глаза, торопливные движения — словно она постоянно стремится куда-то и боится не успеть сделать задуманное. Позже (уже на

ТРИ ДНЯ ТЕАТРА

репетиции) я увидела, что стремление к максимальному использованию рабочего времени она прививает и своим ребятам.

Ровно шесть часов. Сдвинуты в сторону столы в аудитории, расставлены полукругом стулья — можно начинать репетицию. Сначала разминка — настройка и подготовка к действию своего психофизического аппарата. Здесь обязательные упражнения для правильной артикуляции, вены, я, э, а, о, у в различных сочетаниях с согласными и упражнения на подтекст. Оказывается, простой скороговоркой «хули ну-лу пика» можно (интонационно) не только «спросить», как пройти на улицу Советскую, но и «сказать»: я люблю тебя...

Потом упражнения по психопластике. Попробуйте подойти к шелковой занавеске, висящей на окне, и прикоснуться к ней. А теперь постарайтесь пластически выразить ощущения, вызванные у вас этим прикосновением...

Потом лекция по истории театра, которую делают сами ребята. Сегодня Катя Попова рассказывает о «Поэтике» Аристотеля и об эллинистическом театре...

Потом читка новгоднего сценария, обсуждение его и распределения ролей.

Пожалуй, какой-нибудь скептически настроенный товарищ со снисходительной улыбкой заметит: «Не много ли для одной репетиции?» Нет, не много. Первое, что поражает и удивляет в коллективе, — это увлеченность.

Когда Таисья Федоровна держитесь (ве консультация часто бывает нужна факультетской самодеятельности, особенно перед праздниками), они не ходят в бессмысленном ожидании, не сидят сложа руки — сами занимаются. Сегодня, например, разминку проведет Ира Семашко, а упражнения по психопластике Света Каранулова.

Ребята живут в атмосфере какой-то всеобщей увлеченности друг в друга и в Таисью Федоровну. Они очень доброжелательны, готовы прийти на помощь, если не получается, искренне порадоваться за другого, если он успешно работает. Напряженная тишина на репетициях сменяется взрывами смеха, сосредоточенное внимание — спорами и обсуждениями.

...Занятия идут к концу. Ребята переписывают роли из новгоднего сценария. Сейчас их главная задача — «обслужить» все елки в своем сантехинституте. А уже потом будут Ильф и Петров, Вампилов, поэзия.

День второй. Спектакль

Признаться, мне немножко страшно идти на этот спектакль. Сегодня Распутин «Последний срок». Представлю только — в студенческом театре! Один закон, второй —

совсем как в настоящем театре. Среди зрителей знакомые актеры: это те, кто не участвует в сегодняшнем спектакле. Но они здесь — иначе и не бывает.

Мы стоим перед закрытой дверью в аудиторию.

Распахивается дверь — мы входим... в деревенский дом. Собственно, тут и дом и двор. Осторожно ступая, зрители занимают свои места по кругу. Постепенно глаза начинают привыкать к красноватому свету, и мы осматриваемся: белая скатерть лежит прямо на полу, на дмотканых цветастых дорожках, вокруг них — портреты в рамках (подразумевается, что на стенах). Чуть поодаль, на полу же — чугуники, крынки с молоком, посуда — кузья. Но тщательный отбор предметов деревенского быта, подлинность из создадут неповторимое ощущение достоверности обстановки. Когда в дом съедутся гости, Надя, хозяйка, поставит станы прямо на пол — на скатерть. Но нарежет настоящего сала и подаст настоящие рыжики... А в углу, «во дворе» — стоит настоящий плетень (его сплели из прутьев сами ребята).

Мебели нет. Только в центре, на перекрестке двух лучей боковых прожекторов стоит топчан. На нем, безвольно вытянув руки, лежит старуха Анна. Еще спектакль не начался, а мы уже прониклись и обыденностью обстановки, и тихой неловкостью скорбного момента. Мы сидим не шелохнувшись — нельзя: здесь в нескольких шагах от нас умирает мать. Тихо-тихо зазвучала мелодия (музыку специально для этого спектакля написал известный новосибирский театральный композитор Григорий Гоберин), и вдруг в нас врывается истонный эскрик Варвары (Катя Попова): «Матушка ты наша! Она бебегает первая и в асплиппам припадает к топчану. А за ней — торопливо, с запоздалым раскаянием — остальные старушкин дачи. Чужие в этом доме, чужие друг другу. Размотала их судьба по свету — забыли, из каких корней выросли. И вот свею всея вместе трагическое существование.

Два акта полностью никто из них не уйдет из поля нашего зрения (ведь в этом театре нет кулис). И когда действие перенесется в баню, где напиваются Михаил (Волода Голышев) и Илья (Витя Пыстогов), мы будем продолжать следить за Лусей (Света Ермакова), за ее лицом, на котором отразится мучительные движения души. И от того, что они будто бы не играют, а беспрерывно живут в этой комнате, что все это происходит на самом деле вот тут — руку протяни, мы вдруг почувствуем себя соучастниками событий. Мы не заметим, как кончится первый акт. И только в антракте подумается: откуда в них этот возрастной опыт и глубокая проникновенность в социальный и философский пласты распутин-

ской прозы, насыщенной мыслями о доброте мудрости, об ответственности человека за жизнь и о смысле существования. Они такие юные. На лицах — никакого грима. Они не ищут внешнего сходства. Они правдиво и осознанно действуют в предлагаемых обстоятельствах. Таисья Федоровна любит повторять: «Смотрите, наблюдайте, ищите в жизни». Действительно, в их поведении столько живого, «подсмотренного» и от того очень правдивого.

После спектакля долго сидим потрясенные. Наши артисты устало «выходят из образов». И мы рядом с ними тоже «выходим» из роли зрителя, того особого зрителя, которым сделал нас сегодняшний спектакль.

А когда я иду по длинному институтскому коридору, то слышу: «Надо сегодня же матери письмо написать...»

День третий. Не последний

Это был не совсем обычный день. То есть репетиция, конечно, была. Но сначала все дружно шили, клеили, красили, рисовали, вырезали всевозможные жабы, короны, тусей, попугав и много-много другого. Свою новгоднюю сказку они хотели одеть красиво. А для этого надо поработать самим. Кто же все это делает за ребят? Никто. Но самим-то как раз интересно. Беда в другом: негде все это хранить. Нет у ребят даже маленькой комнатки. Вот и решили они упорядочить работу своего театра. Выбрали художественный совет и директора (за всю историю первого), распределели обязанности: ассистента режиссера, редактора (будет выпускать свой журнал), историографа, фотографа, ответственного осветителя, костюмера, реквизитора и декоратора. Смысл всего этого в том, чтобы как можно меньше времени уходило на административные дела. Как говорит новоиспеченный директор Волода Галики: «Надо, чтобы не тратили время на мелочи». Ведь все они учатся. В коллективе занимаются студисты всею факультетов и курсов. И каждый из них мечтает уехать потом с собой частицу горячего сердца Таисии Федоровны и друг друга, организовать у себя в селе такой же коллектив. Ну, может быть, не совсем такой... Но делиться с людьми тем, что узнали здесь, чему научились, — так же.

Студенческому театру уже более семи лет. Не одно поколение выпускников прошло здесь не только школу актерского мастерства, но и школу жизни. На их счету пять больших спектаклей (среди них «Не было ни гроша, да вдруг алтын» по пьесе Н. А. Островского, за который в 1976 году коллективу присвоили звание «народный») и множество открыток, инсценировок, театрализованных программ и поэтических композиций.

«Что дает вам это?» — спрашивала я у ребят. Они отвечали охотно и искренне: помогают познать жизнь, людей, заставляет задуматься над собой, еще — заряд творческого отношения к делу, дружбу на долгие годы.

...А репетиция тем временем продолжается. Мне нужно уходить. И не хочется.

Л. ФАТЬЯНОВА.

На снимке: сцена из спектакля «Последний срок».

Фото С. Высоцкого.